

ПОРОША

Середина октября. Покров. Вчера бабушкиными молитвами к ночи пошёл снег. А нынче, куда не глянь, всё кипельно-бело, хрустко-ново. Поля - бесконечные отрезы ситца из маминого сундука.

Подморозило, снегопад перешёл в дробную порошу. Что-то прохудилось там, вверху, и сыплет, сыплет... Смотришь: и не видать ни Афониной кузни, ни Казюлеева сада, ни водонапорной башни с нахлобученным, будто ушанка, аистинным гнездом.

Вчера тревожно надрывались - гыркали, взмывали в невидимую высоту и обрушивались на Сидоровы ракитки посуровевшие грачи.

Отвесной стеной шумит, словно сыплется из мешка в закрома, свежемолотая крупа-сечка.

Ни ветерка. Колется и бодрит. Мир притих, только шепчет, шушукает о чём-то освоившаяся за длинную октябрьскую ночь зима, да кагакают соседские гуси, то ли удивляясь, то ли радуясь пороше. Поводили шишковатыми носами в белых крупках у калитки и пошли поредевшим к зиме табуном окунуться в колдыбене под Мишкиной горой.

К полудню над Копытцами, из которых по осени корзинками таскали рыжики-познушки, прояснивает. Шагая по болотам, по валериановым торфяникам, длинными, словно у цапли, ходулями, пороша торопко пробегает вдоль поймы Кромы, барабанит по слюдяному, чуть схватившему речные извороты льду, тает сахаром-рафинадом в незастывших протоках и полыньях. Шумнув, ускакивает за пригорки, спешит, поторапливается в Шаблыкинские урочища.

Проморгавшись, небушко осмеливается сначала одним глазком, потом другим взглянуть на режущее белизной раздолье. И вот уже над Мишкиной горой стоит-лупастится румяное морозное солнце.

А может, и не солнце вовсе, а краснощёкая Катюшка, хуторская девчонка-десятилетка, забралась, пыхтя, подбирая полы кроличьей шубейки, по первопутку на гору. Втащила за собой плетушку-глинянку. Сколько готовилась-ждалась, обливала на ночь ключевой водой вымазанное глинистой сметанкой днище плетушки да во двор выставляла на мороз.

Сядет сейчас, и закружится, и понесётся с откоса, зажмуриваясь и взвизгивая, тормозя на ходу валенками, оставляя за собой искрящиеся завихрушки. Долетит до остекленевшего ручья, выправит и помчит по его потрескивающей глади, теряя на лету галоши и варежки. Резко развернётся под кручей, высекая клубы дробной колючей пыли.

Выберется Катюшка из своей глинянки протопать стёжку к роднику. Приглядится и ахнет: кругом занесло-запорошило, а родник живой, ворчит, словно дед Илья, выговаривает разыгравшимся не ко времени синичкам.

Спохватятся щebetуньи - желтобрюшницы, порскнут, и след простыл. Соберёт девчонка по подгорью галоши да вязанки, укатается так, что валенки обростут крупнющими хрустальными бусинами, варежки

промокнут насквозь, а то и вовсе потеряются до первых проталин. Сыщёт их отец нечаянно по весне, принесёт: вот, мол, подарочек тебе грачи принесли.

Ну, это когда ещё! Закрайки зимы лишь проглянули. Первая пороша пылит. До весны ещё ой как далеко! А пока – катайся – не хочу, хоть на пузе, плетушка по прутуку, по прутуку и рассыпалась. «Надо бы с дедушкой нарезать с осени поболее лозняка, наплести-наготовить корзинок попрочнее. Вишь, хлипкие какие», - смекает Катюшка. Как показать дома развалюху-корзину?

Прошлой зимой на кухне у окошка наработал дедушка плетух на весь хутор. А самую лучшую внучке подарил. Скажет, теперь: «На тебя, девонька, не наготовишься!» Надо бы что-нибудь сочинить в оправдание, сплести какую-нибудь небылицу, чтобы дедка поверил.

Постоит чуток Катюша, попридумывает, полюбуется на запорошенный хутор, вёрст на десять с бугра видать. До горизонта, до самых росстаней белым-бело, будто мама подоинок пролила, а котейка не успела подлизать. И течёт – растекается Милкино парное под Гавриловку, по пойменным лугам, по низинным подлескам.

Младшего братика Стёпку, может, и правда, аист принёс, а её, Катюшку, - даже спрашивать у мамы не надо - в сугробе нашли. Родилась зимой, Катюшкино это время. Ждёт снега, не дождётся, а как выпадет, домой не зови, не сыщешь. Все сугробы промерит. Но перво-наперво тропку к калине пробьёт. А как же! По морозцу самый срок яголке поспеть. И снегири, как объявятся, так на калиновый куст, - не смотри, что стоит на задворках, зато костром полыхает. Лакомятся вместе: красногрудки по верхам обклёвывают, а девчонка низко, только что снег приминает. Горчит ягодка, но вкусно!

Вообще, Катюшка птиц местных наперечёт знает. В тополях сорока обосновалась, такая болтушка, не приведи Господи! Катя Трещоткой её кличет. По вечерам на вяз у крыльца совка прилетает, вздыхает, охает. В стогу, что за бахчой, стайка пугливых воробушков выискивает зёрнышки от просянки. Подойдёшь, схлынут ливнем, рассеются по вишняку и - невидны-неприметны.

С соседским Петькой ставили они в прошлую зиму на репейники маленькие силочки из конского волоса - щегла словить хотели. Попадались только глупышки-синички. Тоже хорошо. В феврале распевают, такие концерты выдают!

С капелями начинают тосковать по воле. Жалко... Приходится выпускать...

И Катя выходит на крыльцо, открывает сложенные конвертиком ладони, а притихший тёпленький комочек только и ждёт. Чирк – и не достать. Тинь-пинь, привет, мол, и был таков.

На закате снежным комом Катюша вкатывается в калитку. Щенок Баламут бросается к ней, облизывает раскрасневшиеся щёки. Радостно

носятся, прыгает, снег розовой слюнявой пастью хватает, ныряет по брюхо в сугробы.

Отец колет дрова. Вчера привёз на Вьюнке из Хильмичков. Подвалил сосны. Дух—то какой! Под сараем, там, где старая поленница, куча-мала. Катя вытягивает левую руку, накладывает духовитые полешки. Ладони клейкие, пахнут лесом, сосновой смолой, Рождеством.

О, это особый праздник, самый сладкий, самый загадочный. Но до него ещё надо дожить.

Так долго тянутся последние месяцы года! В деревне скукота. Но Катя обязательно что-нибудь придумает. Можно взять отцовский секатор, ножницы садовые, и сбегать в заброшенный Пузанихин сад. Прищурись, присмотришься – и не сучок это корявый, и не веточка, а олень с великолепными рогами, или козлёнок бодучий. А если повезёт, то и самого Лешака или парочку кикимор сыщешь где-нибудь среди коряжистой поросли дичек. У Катюши с прошлого года целый зоопарк на полке живёт. Рождество подойдёт, на сугробы из ваты под сосёнку в горенке расставит.

От дома тянет дымком, мама растапливает. Когда клубы над трубой, на душе теплее.

Бурьянным корявым (уже без семян, одни прутья) веником Катя шурует по валенкам, сбивает с них ледышки. Обметает шубейку и распахивает двери в кухню.

На столе стопка поджаристых оладьев. Земляничное варенье. Запивая Милкиным молочком, Катюшка и не замечает, как смахивает полдюжины маминых оладушек, и пряником – на печку.

Там под подушкой томик Джека Лондона припрятан, замурзан Катюшкиными пальчиками, аж страницы лоснятся. Каждую Зимушка (так подружки Катю меж собой прозвали) наизусть знает. И читать не надо. Открывает книжицу, рассматривает картинки, вспоминает. А глаза слипаются. И пятнадцати минут не проходит, уж спит, сны выюжные листаёт. Мчит где-то далеко на Аляске обледенелыми тарросами на собачьей упряжке. Крупую манной сыплет пороша. Присмотрится Катя: не лайки в упряжке, а Баламут-разбалуи несёт её по бесконечным снегам под Северным сиянием. Удивится, как покорно тянет Баламут сани. Сколько раз пыталась она щенка запрячь-покататься. Ведь в студеные зимы на хуторских полях наметает такие сугробы, что жители Аляски позавидуют. Этот неслух вываливал Катю из салазок в снег и сбегал, победокурить во дворе, погонять трусливых индюшек, подстеречь Кота Фомку у своей миски...

Но во сне может случиться всё, что захочешь! И вот сегодня! Надо же, Баламут мчит, как настоящая лайка. А впереди – пороша...

